

Сергей Спасский

Из неизданного (письма и стихотворения)

Публикация Ирины Роскиной

Имя поэта и прозаика Сергея Дмитриевича Спасского (1898—1956) известно не только по его стихам и романам. Спасского ценят последователи антропософского учения Р. Штейнера, приверженцем которого он был вслед за очень почитаемым им А. Белым. Некоторые слышали о Спасском как о футуристе, друге Д. Бурлюка и В. Маяковского, - он писал и рассказывал о них. Иногда Спасский упоминается в связи с А. Ахматовой, за восхищение которой его критиковали во время гонений на нее, и с Б. Пастернаком, которого он считал своим учителем. Вспоминают о Спасском, говоря о ленинградской блокаде, когда он, помимо дежурств на крышах, вместе с другими литераторами вел на радио беседы с горожанами. Дорог Спасский тем, кто был начинающим литератором в середине 1950-х, - он помогал им, работая (после освобождения из заключения) в ленинградском отделении издательства «Советский писатель».

Не повторяя общих сведений из биографии Спасского, расскажу об обстоятельствах, непосредственно связанных с содержанием данной публикации.

В марте 1933 г. у С. Д. Спасского и его жены скульптора Софьи Гитмановны Каплун (1901-1962), родилась дочь Вероника Спасская. Примерно в то же время у него начался роман с Надеждой Давыдовной Роскиной (урожд. Рабинович; 1901-1938), которая разошлась из-за этого со своим мужем, писателем А.И. Роскиным. 12 марта 1934 г. у Надежды Давыдовны и Сергея Дмитриевича родился сын Алеша Спасский. Сергей Дмитриевич не развелся с Софьей Гитмановной, но фактически стал мужем Надежды Давыдовны. Он нежно относился к дочери Надежды Давыдовны от А.И. Роскина – моей будущей маме Наташе, которая считала Сергея Дмитриевича своим отчимом. Их отношения отчасти описаны в маминой повести «Детство и любовь» (Звезда, №6, 2015).

29 апреля 1938 был арестован муж сестры Надежды Давыдовны, инженер паровых турбин Марк Иосифович Гринберг (1896-1957). Потрясенная этим горем Надежда Давыдовна, переходя Литейный проспект, не услышала звонков вагоновожатого. Трамваем ей отрезало ногу. В больнице казалось, что она поправится, родные горевали, что ей придется ходить с протезом, но 10 июня она умерла от эмболии.

Любви С.Д. Спасского к Н.Д. Роскиной и трагизму ее гибели посвящены приводимые ниже два письма¹ Спасского ближайшей подруге Надежды Давыдовны архитектору Елене Самсоновне Ральбе (1896-1977), которые она потом отдала выросшей Наташе Роскиной.

Заботу о детях Надежды Давыдовны взяла на себя ее мать Роза Наумовна Рабинович (1880-1951), хотя отцы участвовали в воспитании и помогли материально.

В том же 1938 г. вскоре после смерти Надежды Давыдовны была арестована Софья Гитмановна. Возможно, поводом для ее ареста стал расстрел ее брата Бориса Гитмановича Каплуна (1984-1937). А может быть, и тот факт, что она, как и все Спасские, были убежденными антропософами, сыграл свою роль. Мне мама рассказывала в основном про антропософство.

Вероника воспитывалась теткой Кларой Гитмановной Каплун (1892-1953) (она работала редактором, но я не знаю в каком издательстве), с которой Сергей Дмитриевич постепенно начал жить одной семьей. Взрослые старались, чтобы дети дружили. На лето 1941 г. была снята дача в Сиверской, чтобы жили все вместе: Клара Гитмановна с Вероникой и Роза Наумовна с Наташей и Алешей. Они как раз переехали на дачу из города (запозднились от холодов начала июня), но тут началась война.

Сохранилось более 30 писем С.Д. Спасского Алеше, Наташе и Розе Наумовне, написанных в военные годы. Эти письма – вместе с ответными и письмами третьих лиц – приводятся в материале «Из писем моих родственников: военные годы (1941-1945)» (см. https://rbcs.library.nd.edu/finding_aids/und:7p88cf97g9p 41П)². Из них можно узнать, что Спасский был в армии, пережил окружение, потом блокаду, и вместе с Кларой Гитмановной и Вероникой оказался в эвакуации в Перми. Он был болен, истощен и равнодушен к сыну, находящемуся в литфондовском интернате в деревне Черная. В Перми Спасский расстался с Кларой Гитмановной, оставив ей свою дочь Веронику, а сам женился на певице Антонине Ивановне Поповой-Журавленко (1896—1981), официально оформив брак уже после войны, когда Софья Гитмановна была ненадолго освобождена (ее арестовали повторно в 1948 г.).

В Йошкар-Оле, куда переехала Роза Наумовна с детьми, 31 января 1943 г. умер Алеша, о чем Наташа известила Спасского, но, не простив ему его холодности в Перми, она потом в течение многих лет не писала ему.

В январе 1951 г. Спасского арестовали. Для Наташи это стало новым настоящим горем. Через Веронику, которая ездила к отцу в Абезьский лагерь, Наташа возобновила дружбу с Сергеем Дмитриевичем. В 1954 г. Спасского освободили. Наташа, которая к тому времени жила постоянно в Москве, ездила в Ленинград, он приезжал в Москву. Ниже печатаются семь писем Спасского из переписки³ этих лет.

¹ Автографы всех упоминающихся писем С.Д. Спасского хранятся в РГАЛИ, сканированные копии оригиналов в Отделе редких книг и рукописей библиотеки им. Хесбурга (Университет Нотр-Дам, США). Благодарю сына Вероники, проживающего на Кубе Андрея Сергеевича Спасского, за доброжелательное отношение и отсутствие возражений против публикации.

² Или на <https://www.academia.edu/27144342>

³ Автографы писем Н.А. Роскиной к С.Д. Спасскому и С.Г. Спасской хранятся в фонде Спасских в музее Мемориальная квартира Андрея Белого (филиал Государственного музея А.С. Пушкина).

Софью Гитмановну освободили тоже в 1954 г. Я хорошо помню ее в те годы. Она, естественно, уже не была красивой - а на молодых фотографиях нечто потрясающее⁴. Она непрерывно курила и очень много и очень громко говорила. Жаловалась она на людей, у которых есть книжечки стихов ее любимых поэтов, - она всего лишилась, а им и в голову не приходит, что надо эти книги отдать ей. Никто ей ничего не отдал. Но главное было в том, что и любви ей никто больше не давал. Вероника, оставшаяся без нее в пятилетнем возрасте, не смогла уже принять Софью Гитмановну как мать. И жалобы, высказываемые Софьей Гитмановной, и ее требования, чтобы моя мама подействовала на Веронику, я тоже помню. Трагедия сидевших матерей. Софья Гитмановна сказала моей маме: «Повезло твоей маме, что ее нет в живых». Для моей мамы, свою маму обожавшей и всю жизнь оплакивавшей, эта фраза прозвучала ужасно. А про то, что Сергей Дмитриевич ей не принадлежит, Софья Гитмановна совсем не высказывалась.

В своем дневнике обо мне (неопубл.) мама записала: «7 ноября 1954 г. [Ира] познакомилась с Серг<еем> Дм<итриевичем>, которого называет "новый дед". Они очень легко сдружились, показывали друг другу фокусы». Я помню, что всё спрашивала, где он был раньше, почему он сидел в тюрьме (моя мама любила даже на детские вопросы отвечать правду).

И еще мы ходили к брату Спасского Евгению Дмитриевичу, художнику. Не уверена, в тот ли приезд Сергея Дмитриевича, или вообще без него, вдвоем с мамой. В коммунальной квартире долго шли по коридору, а потом открывается дверь и на тебя обрушивается столп света – это свет его картин. Вероника часто общалась с Евгением Дмитриевичем, но на мамины расспросы о нем отвечала односложно.

В августе 1956 г. Спасский путешествовал с Антониной Петровной на пароходе по Волге – точно так же, как за двадцать лет до этого с Надеждой Давыдовной. В Ярославле у него случился смертельный инфаркт.

1. От С. Д. Спасского Е. С. Ральбе (из Ленинграда в Саратов)

8 июля 1938.

Многоуважаемая Елена Самсоновна!

Переживая в эти дни всю Надюшину жизнь и, тем самым, мысленно соприкасаясь со всеми людьми, с которыми Надюша была близка, я, естественно, много думал о Вас, и мне захотелось написать Вам. Внешним последним толчком к этому послужило то, что Нина Лазаревна⁵ показала мне Ваше письмо к ней, где сказаны очень хорошие, простые и живые слова о Надюше, и которое преисполнено настоящего глубокого чувства к ней. Я понял, что Вам будет важно узнать все о последних минутах Надюши, а мне именно с Вами будет легко

⁴ Я была потрясена записью в Дневнике Л.К. Чуковской (от 7/XI 1963), где она называет Софью Гитмановну «некрасивой и шепелявой». <http://lib.rus.ec/b/564111/read>. Клянусь, что это не так. А Вероника (дома говорили: Вероничка) была в детстве упитанная, а после блокады навсегда осталась маленькой, стройной и очень стильной.

⁵ Нина Лазаревна Френк (урожд. Дыховичная; 1902-1942), жена архитектора Григория Харитоновича (Гирша Хескелевича) Френка (1893-1942), близкая подруга Надежды Давыдовны.

поговорить о ней. Неизвестно, встретимся ли мы когда-нибудь в будущем, но вероятно, соприкоснувшись, хоть и ненадолго, через Надюшу, мы будем помнить друг о друге и поэтому мне хотелось этим письмом рассеять некоторую неловкость, которая образовалась в наших отношениях при последних встречах, чтобы и в этом смысле была между нами полная ясность. И пожалуй, мне легче всего начать именно с этого. Дело в том, что после «романтической» (как говорила Надюша) встречи нашей на Волге⁶, надо признаться, из нашего домашнего общения ничего не вышло. В больнице Вы говорили Надюше о моем безразличном, или что-то в таком роде, отношении к Вам в Ваш последний приезд. К этому были свои причины, помимо моей взволнованности Надюшиной болезнью, и я не стал бы о них говорить, если бы они не были связаны с моим пониманием Надюши и с моими представлениями о ее образе. Я буду говорить совершенно откровенно.

Для меня всегда, особенно в последние годы, Надюша стояла несколько отдельно от всех ее близких. Однако поймите меня правильно. Именно в последние годы я вполне оценил все настоящие положительные качества и Лидии Давыдовны⁷ и Нины Лазаревны, и особенно, конечно, Розы Наумовны⁸, к которой, впрочем, даже в самые трудные периоды я, вопреки всему, чувствовал живую симпатию и неизменное уважение. Я очень многое полюбил во всех них, и Надюша, сама горячо их любившая, очень радовалась этому. И все-таки для меня в Надюше заключались такие особые, такие качественно иные свойства, которые не присутствовали ни в ком из ее среды. За эти свойства я внутренне боролся, зная, что они-то являются ее подлинным существом. К этим свойствам не было сознательного отношения со стороны горячо любивших ее близких. Они воспринимались либо, как «хороший легкий характер», либо, как «детскость», по своему обаятельная и драгоценная. Между тем, как они были проявлениями щедрой, глубоко содержательной, настоящей внутренней жизни. Между тем, как Надюша была зорче, богаче, внутренне дальновиднее, непосредственно мудрее и потом подлинно артистичнее всех, кто стоял рядом с ней.

И вот, когда Вы приезжали сюда, и она, и я встречались с Вами в обстановке очень милых, непринужденных, но очень внешних домашних вечеров, мне казалось, что это не то, что это остается на уровне общей семейной жизни, и я стал отстраняться от Вас. Мне казалось, что в таких встречах нет ничего насущного для нас обоих, да и Надюше они не слишком много дают. Не подумайте, что я малейшим образом пытался влиять на Надюшу, стараясь ее отвести от Вас. Она глубоко любила Вас и поэтому одному я не мог бы касаться Ваших взаимоотношений. Но, повторяю, я говорю совершенно начистоту, иначе мне не было бы

⁶ Летом 1936 г. Е. С. Ральбе жила в Саратове.

⁷ Лидия Давыдовна Гринберг (урожд. Рабинович; 1905-1971), сестра Надежды Давыдовны Роскиной, микробиолог.

⁸ Роза Наумовна Рабинович (урожд. Матусовская; 1880-1951), мать Надежды Давыдовны Роскиной, после смерти в 1919 г. мужа - военврача, воевавшего, видимо, на стороне белых (от нас, детей, это скрывали) - стала библиотекарем. Судя по ее письмам к снохе, она, будучи барышней из добропорядочной еврейской семьи, приходила в отчаянье от романа дочери со Спасским.

смысла сейчас Вам писать. Я только объясняю положение. И все-таки, когда не скрыв от Вас всех своих ощущений, я взял на себя смелость обратиться с письмом именно к Вам, так как я убежден, Вы понимали ее лучше других, а сейчас после смерти ее, нам, знавшим Надюшу, важно сохранить и внутренне восстановить ее, по возможности, правильный образ и осмыслить ее драгоценную для нас жизнь.

В человеческой истории есть несколько линий - есть вереница больших и малых людей, целиком привязанных к повседневности, от обычного, проходящего сквозь века обывателя до умного, трудолюбивого, по своему достойного уважения хозяина, рассудительно сооружающего и созидającego то, что необходимо для сегодняшнего дня или сегодняшней эпохи; есть и другая линия отвлеченного идеалистического сознания, скользящего по поверхности явлений, как бы приподнятого над земным существованием. И в этой семье есть и свои мученики, и герои, и чудаки. Но Надюша не принадлежала ни к тому, ни к другому лагерю.

И есть самая драгоценная порода человеческих существ. О них нельзя сказать даже, что они любят жизнь, настолько жизнь свободно и естественно в них дышит. Они нисколько не отвлечены, они глубоко знают всю прелесть и в то же время всю трудность, неподатливость материальной действительности, и в то же время умеют относиться к ней независимо и свободно, так что она не пригибает им плечи, хотя всей тяжестью опирается на них. Самое трудное препятствие для них средство проявить свою человечность. И поэтому из всего они извлекают радующую других и обогащающую мир мелодию. И люди помнят о них с благодарностью. Самые имена их становятся символами прозрачного торжества победы и преодоления. Из великих достаточно вспомнить Моцарта или Рафаэля, чтобы стало понятно, о каком типе людей идет речь. И из этого материала соткано существо Надюши.

Это тип артистический по своей природе в лучшем смысле такого слова. Пусть такой человек вовсе не занимается искусством. Но его жизнь, его любое проявление бывает овеяно тем, что нас пленяет в настоящем искусстве. Я не идеализирую Надюшу, я вижу, как она улыбаясь, покачивает головой, когда я пишу эти слова. Я знаю дистанции и масштабы, и знаю, что она была простой скромной женщиной, загруженной срочными работами, неутомимо склонявшейся над клавишами пишущей машинки⁹. Но в то же время я, знавший каждую ее мысль и любивший каждое ее дыхание, знаю, что я прав. И только для того, чтобы Вы не подумали, что это теперешние мои посмертные мысли, для того, чтобы проиллюстрировать, что такое отношение к ней существовало у меня всегда, мне пришлось в голову вспомнить и по памяти записать стихотворение, написанное, вероятно, года четыре тому назад, которое она знала и которое я нигде не читал.

⁹ Надежде Давыдовне не удалось доучиться на историко-филологическом факультете Петроградского университета, так как нужно было помогать матери ставить на ноги младших сестру и брата. Она закончила курсы стенографии и машинописи и работала от бюро.

Негодовать ли, роптать ли, гордиться,
Если любовью отыскан такой,
Изображенья ее на страницы
Я низвожу осторожной рукой.

Чем мне украсить ее? Лепестками
Роз? Так являлась она в старину,
Факела продолговатое пламя
В пальцы вложить, или над волосами
Остановить голубую луну?

Нет, повелительницы в пышном мире
Звезд и садов мне черты не нужны.
Труженица в коммунальной квартире.
Шум примусов в коридоре. Четыре
Оберегают от ветра стены.

Жарко дыхание детских кроваток,
Маятник бродит по клеткам обой,
Ноги набегались за день и краток
Отдых. Внезапен возврат лихорадок,
Страсти, что нас заклемила с тобой.

И пробуждения без опоздания
Лестница. Изморозь в складках двора.
Волны трамваев. Кольшутся здания.
Лязг телефонных звонков. Заседания,
- Вот что до горла подступит с утра.

Что ж? Эту жизнь без прикрас, без уступки
Неумолимую разве отдам?
Так пробегай же в коричневой шубке,
Вечно в движеньи, в улыбке, в поступке

По неподатливым нашим годам.
- Да, мы явились на пир спозаранку,

Заготовители нового дня,
И не фасад украшаем, изнанку,

Что ж испугает тебя, горожанку,
Что обезволить посмеет меня?

И утомлением пренебрегая,
Выпрямлюсь, не задохнусь на ветру,
Лишь оглянись на меня, дорогая,
Руководящая дух мой к добру.

Письмо мое затянулось, но мне радостна возможность поговорить с Вами о Надюше и потому я продолжу. Я писал вчера о том, что считаю главным в существе Надюши. И это внутреннее художественное начало присутствовало в ней всегда. Еще когда она лежала в больнице, мне попали под руку ее сочинские тетради. Они переполнены стихами, отрывками прозы, выписками из исторических и философских книг. Я поразился настойчивой преданности ее поэзии, которую она никогда не выставляла напоказ. С каким вкусом отбирала и накопляла в тетрадях эта девочка, отрезанная от центров, от книг, от людей, живущая в отчаянных внешних условиях, все лучшее и полноценное, что попадалось ей случайно под руку. Какая пытливая, живая работа мысли отразилась в таких аккуратно и тесно исписанных листках. Какие верные и умные собственные заметки по поводу прочитанного, или вдруг яркие беглые записи, рисующие либо собственные состояния, либо какой-нибудь бытовой эпизод. Как требовательно, как правильно развивалась и образовывалась душа. И я еще успел сказать ей об этом в больнице.

- Да, у меня была в сущности очень хорошая, правильная жизнерадостность, - вынуждена была она согласиться со мной.

Потом жизнь далеко не ответила на ее ожидания и поставила ее в условия, при которых она, по ее словам, «никогда не была сама собой. Всегда была приглушена и подавлена». Но я не пишу здесь историю ее жизни, хотя когда-нибудь напишу о ней книгу, и там будет сказано всё, что я знаю о ней. Ей много ставилось препятствий, и в числе прочих и мною. Но единственное мое утешение, что несмотря на многие внешние трудности, создаваемые мною лично, я все-таки видел ее счастливые глаза, видел возвратившуюся ее молодость, словно раскрывшуюся на новом более высоком и зрелом уровне.

И вот начался период больницы, этот суровейший экзамен, когда обнаруживается действительная стоимость человека, вскрывается без прикрас на что он способен, оказавшись перед лицом несчастья. Сколько мужества, внутреннего света излучалось из нее в те дни. - Вы

можете ею гордиться, - сказал мне один из врачей. - Подумай, я могла бы потерять руку, я могла бы идти тогда вместе с детьми, - говорила она мне в первые дни. Причем, мужество это вовсе не было поверхностным. Она знала предстоящие ей трудности. Все уходило, я оставался в больнице. - Ну, теперь я могу и поплакать. - И вдруг словно легкая рябь пробегала по ее лицу, и глаза сразу наполнялись слезами. И тут же пробивалась улыбка. - Ничего-ничего, ты поплачь, - говорил я ей.

- Я чувствовала последний год, что иду к катастрофе. Это - поликратов перстень.

Этот период для меня ценнейшее достояние, и я не могу им делиться ни с кем. Тогда остановилась внешняя жизнь, отошли в сторону текущие заботы. Мы оказались с ней, как на острове, и словно получили в последний раз возможность оглядеться и оценить все наше общее достояние. В этой унылой палате, со вздыхающими, стонущими или однообразно переговаривающимися больными женщинами, мы беседовали теперь часами, будто встретились после многолетней разлуки. - Неужели вы всегда так много разговариваете с мужем? - спрашивала Надюша соседка. - И дома тоже так разговариваете? - И Надюша улыбалась, кивая головой.

Месяц назад, 9 июня я пришел в больницу после первого двухдневного перерыва. Я, спокойный, уехал 7-го на два дня загород, вполне обнадеженный ее состоянием и температурой. Я знал, что предстоит еще много трудов, но о таких осложнениях, конечно, не думал. Я застал ее в другой, небольшой палате на три койки, с измученным, закинутым назад лицом. И пузырь со льдом был прижат к виску. Глаза полузакрыты. Рука и нога отнялись. Мне сказали, в чем дело.

Я подошел к постели. - Кто здесь? - спросила она с трудом. Слова образовывались неотчетливо и с усилием. - Это Сережа. - Какой Сережа? - Это я. - Мой Сережа! - она обняла меня за голову рукой и притянула к себе. - Ты уехал, а я вот без тебя сплеховала. - Я больше от тебя не отойду. - Ну, как ты ездил, расскажи. Тебе обрадовались? Тебе все всегда рады.

Поймите меня. Я пишу сейчас, совсем выключив себя, и, поверьте, дело не во мне, а только в ней, в ее удивительном отношении к людям. В ее стремлении сказать другому хорошее, даже в таком страшном состоянии. И только поэтому я передаю Вам сказанное ей. Любой другой человек был бы встречен ей так же ласково. Так же она говорила и с сестрой милосердия, оставшейся дежурить на ночь. - Ты милая, Зиночка, я тебя очень люблю. - Спрашивала о ее детях. - В тебе есть что-то легкое, балетное (сестра милосердия - сестра балерины Люком¹⁰), ты очень хорошая, Зиночка. - И снова ко мне: - Ты любишь меня? - Я отдам за тебя жизнь. - Нет-нет, жизни не надо. Поцелуй меня в глаз, теперь в другой, теперь в переносицу. Крепче, чтоб я чувствовала. - Время шло. Я пошел на час домой выпить чай. Затем вернулся. Палаты затихли. Выключен свет. Лидия Давыдовна пришла и сидела в коридоре, по

¹⁰ Елена Михайловна Люком (1891-1968) до войны танцевала в театре им. Кирова.

временам заходя в палату. Сестра Зиночка помогла мне поправить подушки. - Пить, еще пить, - поминутно просила Надюша.

Спой мне колыбельную, чтобы я заснула, колыбельную Моцарта. Ты ведь знаешь. И еще раз просила ее поцеловать. И много раз та же просьба - пить. Иногда почти шутливо ко мне и к сестре: - Если не дадите пить, я вас разлюблю. - А пить ей нельзя было много.

Шел второй час ночи. Она металась. Речь, на время прояснившаяся, снова стала затрудненной. - Мой учитель, - тихо сказала она совсем неожиданное для меня слово. Затем трудно было разобрать неясно вырвавшиеся фразы. Начинался бред. Она забылась.

И дышала мучительно тяжело. Все лицо ее напрягалось и опадало, словно вздуваемое ветром изнутри. Воздух вырывался с хрипом. Мне, сидевшему рядом, были слышны гулкие удары ее сердца. Правая рука судорожно сжималась, металась, отбрасывая одеяло. Было невозможно остановить эту прыгающую, все время меняющую положение, крошечную руку. Когда я брал ее, она стискивала мои пальцы с неожиданной силой. И все бесполезно. Начало светать. Время словно отмерялось ее тревожными вдохами и выдохами.

И в уголках глаз по временам показывались выкатившиеся из-под век крупные слезинки. Было мучительно смотреть на них. И осторожно вытирать их платком. Выкатятся и остановятся в глубоких впадинках под глазами.

И вдруг дыхание успокоилось. Лицо залилось розовым нежным румянцем. И казалось, что все трудности позади. Она спит, она преодолела боли. Ночь кончилась. Как-то сразу оказалось, что уже утро. За окном щебетали птицы. Отблески солнца скользнули по палате, по Надюшину лицу. Мне стало почему-то легко. - Вот мы и дошли с тобой до утра, - мысленно говорил я ей. Я дотронулся до ее лба. Он был непривычно жарок. Я встал и позвал сестру. Она поставила термометр и скоро вынула - около 41. Вот теперь ей действительно плохо. Сердце не выдержит.

Я сидел и слушал, как она дышит. Заходил доктор. Пришла Р.Н. Она рассчитывала, что она сменит меня и наше дежурство еще продолжится долго. Я ничего ей не объяснял, но сказал, что еще не уйду. Надюша дышала быстро и легко. На шее сильно вздувалась и опускалась кожа от биения пульса. Вот мы еще дышим одним воздухом. И снова те же крупные капли слез. Легкая пена на губах. Я отер ее, стараясь, чтобы Роза Наум. не заметила. И так еще какой-то промежуток времени. И вдруг пульс на шее стал падать. Отдельные прерывистые вздохи. - Сейчас выйдите на минуту, - сказал я Р.Н., желая оберечь ее от зрелища смерти. Она метнулась в коридор, но тотчас же оказалась снова с другой стороны кровати. Я наклонился и обнял Надюшу за плечи. Вздох, еще вздох. На мгновение лицо слегка перекосилось. Последние слезинки. Немного пены на губах. Лицо сразу словно погасло. Я почувствовал в своих руках вес ее тела. Опустился на колени и прикрыл ей рукой глаза. Рядом плакала Р.Н. Затем я отвел ладонь, почувствовав, что веки ее не откроются. Нашей девочки уже не было с нами. Было около семи утра. Я спустился вниз, где ждали Лида и Нина. Через

некоторое время на лифте спустили из третьего этажа носилки с ее телом. Я пошел за носилками. Их внесли в небольшую комнату. За мной вошла только сестра. - Вам нельзя здесь оставаться. - Я откинул простыню. - Посмотрите, какое прекрасное лицо, - сказал я сестре, отводя волосы от ее лба. Маленькая, худенькая, она лежала, откинув голову на носилки. И потом, в течение дальнейших дней я видел ее и когда ее одевали после вскрытия, и когда она лежала в гробу. - Это не наша Надюша, - говорила Р.Н., - нет ее светлых глаз. - Р.Н. была, может быть и права. Но если б Вы могли себе представить, как было прекрасно ее лицо. Я смотрел на нее, переполненный благоговением. Какой-то благоговейный восторг строго сходил в мою душу. Преклонение перед силами природы, создавшими такую незабываемо прекрасную, благородную форму. Этот удивительный высокий чистый лоб, мягкие волосы, глазница, тонкий рисунок носа. Какое счастье, что я знал тебя - вот, что было основным внутренним [*неразб.*] в эти дни, помимо горя и всех тех чувств, о которых нет смысла писать.

Прекрасная, тончайшая античная маска, красота образа, от которой замирало сердце, трогательная, хрупкая человеческая красота - самое достойное и радующее из всего, что есть на земле.

Давно, в первый год нашего знакомства, неизвестно почему, совершенно произвольно, когда я смотрел на нее, в моем сознании всплывали слышанные когда-то, не знаю кому принадлежащие, но, кажется, древние строки. Я повторял их ей и написал на одной из своих книг той весной 1932 года. - Почему Вы хороните меня? - смеялась она. Смеялся и я, не придавая никакого значения случайному двустушию. Но это привязалось тогда ко мне и звучало и теперь при прощании. Звучало, когда мы опускали в могилу деревянный коричневый гроб. И теперь оно для меня - лучшая эпитафия, волнующая своей сдержанной ласковостью. Странно, что знакомство наше прошло под их знаком. Вот они:

Общая мать земля, будь легка над моей Айсигеной,
Ибо ступала она по жизни легкой стопой.¹¹

Чем больше я погружался в это письмо, тем острее крепла во мне уверенность, что оно не покажется Вам чуждым и что наши мысли о Надюше встретятся и соприкоснутся. Не будем говорить о том, распадается ли сознание вместе с распадением тела. Не будем решать и даже ставить эти вопросы, неминуемо будоражащие людей перед лицом смерти. Во всяком случае, у нас есть память, приподнимающая нас над прочими существами. Во всяком случае, пока мы сами живы, в нашей памяти живут те, кого мы любим. Во всяком случае, наша любовь продолжается и ее ничто не может от нас отделить. Сама она не мирилась со смертью, не представляя себе, что ее сердце может перестать любить, как Гете не мог представить себе, что природа не предоставит ему нового поприща для деятельности. - Навсегда вместе, - говорила

¹¹ У Георгия Шенгели есть стихотворение «Айсигена» с эпиграфом из Мелеагра: «Общая мать Земля, будь легка над моей Айсигеной, // Ибо ступала она так же легко по тебе».
<http://www.vekperevoda.com/books/shengeli/v125.htm>

она и в больнице, - вместе и после смерти. - Но опять-таки, не надо об этом. Будем благодарны за то, что она жила и мы ее узнали. И память о ней всегда будет действовать облагораживающе на всех, кто с нею соприкасался.

Я кончаю свое письмо и мне хочется пожать Вам руку. Я благодарен Вам уже за то, что мог поговорить с Вами так откровенно о Надюше. Вряд ли это удалось бы устно, мы оба слишком сдержанные люди. Может быть, жизнь нас больше и не сведет, в таком случае пусть письмо явится моим последним приветом. Как будто мы только что простились на пристани и машем друг другу руками, в то время как пароход увозит нас с Надюшей вверх по реке. А может, мы еще и увидимся и продолжим начатый в эти дни разговор.

Ваш С. Спасский

2. *От С. Д. Спасского Е. С. Ральбе (из Ленинграда Ленинград 88, канал Грибоедова 9 кв. 55 в Саратов Провиантская 7)*

25 января 1939.

Дорогая Елена Самсоновна! Спасибо за хорошее письмо. Меня очень радует, что тогда я решился Вам написать. Ведь о том, как уходила Надюша я никому не рассказывал так подробно. Сам я успел записать для себя очень немного в тот момент, когда я забежал домой перед ночью. После мне было не до записей. А нужно, чтобы где-то остался живой след тех часов. И хорошо, что у Вас в руках сохраняется мой детальный отчет.

Воспроизвести все это вторично на бумаге даже для себя у меня теперь не хватило бы сил. И вообще разговаривать о ней мне становится почему-то все трудней. Такое же чувство и у Розы Наумовны, с которой первое время мы очень много вспоминали Надюшу. Теперь воспоминания почти не перекладываются в слова. После нескольких фраз мы смолкаем. И будто думаем сообща. Бывают такие минуты.

Качество памяти стало иным. И это не значит, что она ослабла.

2/II. Не писал несколько дней. Не оставалось времени для себя. В частности, отвлек и переезд Розы Наумовны с ребятами на новую квартиру. Адрес: ул. Некрасова 60 кв. 99.

Кончено с тем помещением, где у всех нас осталась значительная часть жизни. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как взобралась на эту лестницу семья, членом которой я постепенно стал. Две девушки, молодая еще по теперешним нашим понятиям Роза Наумовна, мальчуган Гога. Иногда мне легко представить себе необычную вещь: в неуловимой тончайшей среде нашей действительности сохраняются, как полные жизни образы, все наши поступки, оттиски нас самих, подобно идеально выполненной ленте кинохроники. И тогда я в силах вообразить, ощутить, пережить, как входят в те комнаты люди, расставляют вещи, хлопочут, смеются. Кажется вот-вот услышишь их восклицания. И затем идут годы, в которых я не участвовал, но которые почему-то я могу воспроизвести с большой ясностью. И наконец я

сам вступаю в эту среду и также смотрю на себя со стороны, на прошлый свой, теперь тоже несуществующий уже облик.

Той квартиры сейчас уже нет. Ее оболочка приспособляется к новой, заполнившей ее жизни. Но и дом, куда переехали наши близкие, тоже не совсем необжитая область. Это большой серый дом напротив садика, называемого «Прудки»¹². Маленькая четырехлетняя девочка Наденька гуляет в садике с няней. Я живу там в годы 30-34-ый. Оттуда я спускаюсь по лестнице, сажусь в трамвай и еду на Невский, чтобы увидеть Надюшу в первый раз в жизни. К этому дому не раз мы подходили вместе. На дорожки «Прудков» въезжает мальпост с моей дочерью, а в нескольких шагах бегают Наташа с ребятами из своей группы. Надюша забегает ее навестить и мы сидим на скамейке, обсуждая и важные, и пустяковые дела. После мы вместе идем по двору, чтоб захватить с собой Наташу и отвести ее домой. И я рад, что эта местность вернулась снова, что бы здесь в пропитанном воспоминаниями воздухе росли Алешенька и Наташа.

Я не берусь ответить с полной ясностью, зачем я пишу обо всем этом Вам. Ваше письмо меня взволновало и одна мысль примыкает к другой. Все это привычные для меня мысли, постоянно меня окружающие. Есть потребность их выразить в словах и такова уж Ваша доля, Елена Самсоновна, оказаться моим собеседником.

Эти месяцы - месяцы воспоминаний. Воспоминания излучаются непрестанно и одновременно освещают самые различные периоды. Страннее всего, что я вспоминаю Надюшину жизнь в целом, от детства до ее смертного часа. Разумеется, я многое просто воображаю по рассказам, по намекам, по Надюшиным записям. Но в конце концов воображение тоже способ познания. И у меня почему-то есть уверенность, что воображение мое в данном случае работает в соответствии с действительностью. И много думается о самой сути воспоминаний, об этом непрестанном сопротивлении разрушению, свойственном и каждому из нас, и человечеству в целом.

4/II. Думается об искусстве как об одной из форм воспоминания. Думается о непреклонной настойчивости, с которой наш внутренний мир стремится к длительности, к утверждению своей постоянности. Представляется, что если бы мы были лишены такого свойства, человечество не поднималось бы над животным миром и было бы смешно думать о какой-либо культуре. И тогда возникает дальнейшее представление, что борьба против наших мыслей и чувств правомерна и не случайна и коренится в основе человеческой природы. В общем такие мысли ведут далеко, и мне кажется, что пора прервать их изложение. Не скажу, чтобы в них было для меня все ново. Наоборот, я с ними встречался и прежде. Но никогда они не изживались мной с такой конкретностью. Как Надюшина жизнь непрестанно наделяла меня внутренними впечатлениями, так по своему строго, и я бы сказал, торжественно, обогащает

¹² Сейчас его называют Некрасовский садик. На углу Некрасова (бывшая Бассейная) и Фонтанной.

меня и учит ее смерть. Это письмо, как Вы видите, писалось вразбивку и должно выглядеть несколько бессвязно. Совсем особо мне хочется поблагодарить Вас за цитату из Надюшиного письма. Трудно сказать, как обрадовала меня эта фраза и сколько вызвала во мне образов. Я буду счастлив, если когда-нибудь так сложится, что мне удастся прикоснуться к тем ее письмам. Ведь у меня хранится большая коллекция ее писем, обращенным к разным людям. Я читал их, еще когда она была жива, и так и оставил их у себя. Можно сказать, что я захватил их в свои руки, но это потому, что я сам их раздобыл и кроме меня никто не помнил, что они существуют. Спустя некоторое время я покажу их Розе Наумовне, но сейчас ей еще трудно будет с ними встретиться. Пока я показывал ей только Надюшины тетради со стихами и разными записями. После смерти у меня самого еще не хватает духу снова все перечитать.

Но то письма, почти сплошь относящиеся к периоду до знакомства со мной. Совсем особое чувство вызовут во мне ее более поздние письма. Во всяком случае за все, что Вы мне покажете, я заранее глубоко Вас благодарю.

И в заключение я решил переписать несколько стихов, написанных после Надюшиной смерти. Печататься они не будут. Их знает только Р.Н. Может быть, они произведут на Вас странное впечатление, но пусть послужат они дополнением ко всему, что я писал, и теперь, и в прошлый раз, и сохранятся у Вас.

1) Запели птицы. Как гремит их щебет,
 Каким восторгом полны их тела,
 И я боюсь, всю душу мне расщепит
 Та нестерпимо звонкая хвала.

 Преграды нет сверкающим балладам.
 Наперегонку бурны и часты,
 Они рассыпались по всем палатам
 И в той слышны, где умираешь ты.

 Ты утомилась за ночь в поединке
 С удушьем. Солнца розоватый луч
 Влетел в окно. Две слабеньких слезинки
 Скользят из глаз... И скоро щелкнет ключ.

 Вздых. И еще. Теперь совсем последний.
 И после смерти будь ко мне добра.
 О, гомон птиц. О, солнца трепет летний...
 Мы все же дожили вместе до утра.

2) Что ж, надо пожить нам в разлуке,
Ведь это случилось и в годы,
Когда по земле ты ступала,
Наш воздух вздыхая сырой.
Бывало, завертишься в круге -
Отказы, сомненья, заботы,
И видимся скудно и мало,
Совсем расстаемся порой.

Бывало, уеду и даже
Не предупрежу ни открыткой,
По проволоке телефонной
Коротенькой вести не дам.

О счастье, невидное наше,
Его я воспитывал пыткой,
Вершил над ним суд беззаконий,
Босым проводил по гвоздям.

И все ж терпеливо живучей
И не поддающейся смерти,
- Сквозь стены струющимся светом -
Любовь пребывала твоя,
И будто споткнемся о случай,
Увидимся в театре, в концерте,
И снова все мысли об этом,
И гибну, и радуюсь я.

И улицы той коридором
Бреду и следы твои чую
На ветхом асфальте. И стоя
В коробке двора, одинок
Окно выбираю, в котором
Свет лампы; мне душу врачую

Известие дарит простое,
Что выбежишь ты на звонок.

И тут, словно Моцарта сети,
Опутают звуками тело,
Иль ринутся струны Россини,
Связав на бегу голоса.

Лишь ты улыбнись, как на свете
Одна улыбаться умела,
И по рафаэлевски сини
В душе заблестят небеса.

Нет, мы не разлюбим в разлуке,
О, как бы сказать это проще,
- Мы радостью общей владели,
И я тебя слышу во всем.
Твои драгоценные руки
Лицо мое ищут наощупь.
Мы вынесли жизнь, неужели
Мы смерти не перенесем.

3) И все-таки сойти с ума
Так просто, так легко.
Ни телефона, ни звонка,
Ты страшно далеко.

Нет сил угомонить тоску,
Хоть смейся, хоть заплачь,
Ты тут ступала по песку,
Шла мимо этих дач.

И так же шелестит залив
И сладостно покат
Все те же краски повторив,

Такой же спит закат.

Но как же, как же мне извлечь
Из этой тишины
Твои глаза, улыбку, речь,
Что так душе нужны?

Меж сосен спрятались дома,
Жила ты в доме том,
И тихо я схожу с ума,
Смотря на темный дом.

4) Ты жива, жива, жива еще.
То, что было - сон дурной.
Все на свете забывающий
Я стою перед тобой.

Знаешь, это есть у Шумана:
- Горько плакал я во сне, -
И болезнь твоя придумана,
Трудно ли придумать мне.

Вот глаза твои - не те же ли,
Улыбнись же как всегда.
Вместе мы почти что не жили,
Ждут нас долгие года.

Но зачем, все мысли путая,
Тот же крик во мне - Постой.
Было ль так? Сошел откуда я
Утром лестницей пустой?

И как тонущий до берега,
Я, добравшись до скамьи,
Видел сквозь сирени скверика
Губы мертвые твои.

И какого ждал ответа я,
И каких искал я сил,
Зная, что рукою этою,
Веки я тебе закрыл.

И теперь, не забывающий
Ни частицы тех минут,
Я с трудом шепчу:
 - Жива еще,
Мне назад тебя вернут.

- 5) Ты даже ярче заблистала
В моем теперешнем бреду.
Ты словно мне невестой стала,
С которой я союза жду.
Той девочкою, что украдкой,
Когда день ветренный притих,
Одна склонялась над тетрадкой
Вписать запомнившийся стих.
И отроческого страдания
Полна, там в южной стороне
С другим желала ты свиданья,
Совсем не зная обо мне.
И странно думать мне, что оба
Мы были взрослыми, что нес
Я слишком длинный короб гроба
К могиле около берез.
И все осталось за спиною.
И комната простая та,
Где воздух я делил с тобою,
Другими будет обжита.
- Нет, я борюсь с ненужным плачем
О, сердце, в муках молодежи!
Мы наше знание крепко спрячем

От обступивших нас людей.
 Дороги лет одолевая,
 Я этот мир насквозь прорву,
 О, подожди, моя живая,
 Тебя найду я. Наяву.

Ваш С. Спасский

3. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда в Ленинград)*
 3 ноября 1940.¹³

НАТАШЕ

Друг мой, беспокойный, непокорный
 С яркой, своенравною душой,
 Дни несутся чередой проворной,
 Ты совсем становишься большой.
 Вот осталось детство за спиною,
 И взрослеет взгляд глубоких глаз.
 Будь же ты горячей и прямою,
 И такой правдивой, как сейчас.
 И хотя грядущее – загадка,
 Вижу я сквозь дымку дальних лет,
 - Жить ты будешь трудно и не гладко,
 Но оставишь на земле свой след.
 Пусть друзья, тебя оберегая,
 Не обступят, - знай, и будь тверда:
 Кто тебя полюбит, дорогая,
 Тот тебя полюбит навсегда.

С. Спасский

4. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда Невский 66 кв. 5.*
в Москву 1-я Мещанская 7 кв. 22)
 9 декабря 1954.
 Дорогая Наташенька!

¹³ 3 ноября - день рожденья Наташи Роскиной.

Как ты поживаешь? Наладилась ли у тебя работа с М.¹⁴? Как личные дела? Хотелось бы знать, что у тебя хорошего. Вспоминаю тебя часто с очень добрым чувством. Я живу очень тихо, стал совсем домоседом, это, очевидно, реакция на прошлое. Разбираю свои бумаги и составляю сводку стихов за многие года из того, что осталось на руках. Экземпляр этого «Лит. наследства» передам тебе, как представительнице этой организации. Сам пока не пишу ничего нового, хочется произвести ревизию всего сделанного. Читаю все это, будто написанное кем-то другим. Ну, будь здорова, целую тебя и Ирочку. А<нтонина> И<вановна>¹⁵ шлет привет. Твой С.

5. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда Невский 66 кв. 5. в Москву 1-я Мещанская 7 кв. 22)*

28 декабря 1954

Дорогая моя Наташенька!

Поздравляю тебя и Ирочку с Новым годом и желаю, чтобы вы обе были здоровые, веселые и счастливые. В частности, переводя на твой язык, желаю, чтобы у тебя было поменьше рева. Совсем, конечно, от него избавиться невозможно, но чтоб ему были установлены какие-то пределы. И было бы неплохо, если б поводом для него служил какой-нибудь более соответствующий тебе объект. Вообще же, говоря серьезно, очень хотелось бы, чтобы у тебя в Новом году удачно сложились личные дела, я то прекрасно знаю, что ты этого вполне заслуживаешь. Рад за тебя, что тебе выпала работа. То, что она каторжная, это верно, но зато, как приятно будет с ней развязаться и танцевать в Доме ученых, по праву заняв достойное место среди академических красавиц. Надеюсь, что уроки танцев пошли тебе впрок, а что касается до внешности, то уверен, что будешь на высоте, и профессор, если он что-нибудь смыслит в этих вопросах, уразумеет, как ему повезло ни за что ни про что.

Стихи мне твои понравились. Особенно второе.¹⁶ Оно, при чрезвычайной сжатости, вмещает в себя много представлений, рождающихся не логическим, а тем неожиданным поэтическим путем, какой и является подлинно убедительным путем в искусстве. Первое в этом смысле более просто и прямолинейно, хотя и в нем есть твоя интонация. Но второе можешь спрятать в свою золотую кладовую. В нем ничего не добавишь и ничего не уберешь.

«Литнаследством» своим я продолжаю заниматься в свободные часы, хотя иногда все это кажется мне ужасным вздором. Подчас даже доволен, что добрая его часть теперь для меня недосыгаема. И вообще, все это похоже на твою работу над указателем, такое же доставляет удовольствие. Но раз уж начал, надо продолжать, хотя до конца еще далеко, да и полутора тысяч мне за это никто не даст. Конечно, занимаюсь я и более полезными делами,

¹⁴ Имеется в виду Сергей Александрович Макашин (1906-1989), начальник Н.А. Роскиной по редакции «Литературное наследство».

¹⁵ Антонина Ивановна Попова-Журавленко (1896-1981), последняя жена Спасского, певица.

¹⁶ Рукой Н. А. Роскиной приписано: Это о стихах 1. Вокзал. Отъезд. Стук сердца. 2. Бессоница.

пишу внутренние рецензии, и редактирую понемногу для нашего отделения «Советского писателя», из которого мне подбрасывают работу. За новое пока еще не принимался, но, видимо, без этого тоже не обойтись. Думаю, в новом году крепко сяду за стихи, и за прозу, без всяких реальных перспектив, конечно. Но для хлеба насущного что-то постепенно вырисовывается и, надеюсь, все будет в порядке.

Позвонил я однажды Ел. Самс¹⁷, но не застал ее дома. А потом как-то рука не поднималась. Главное, что выбраться я к ней все равно не выберусь. Отношусь я к ней очень хорошо, и очень помню и ценю ее отношение ко мне. Но встретиться вдруг, после стольких лет, не будешь знать, с чего и начать разговор, такие надо поднимать пласты. А так просто потолковать на повседневные темы словно и смысла нет. А может, я просто ленив стал, вообще мало куда выбираюсь. Да и все чем-то занят, что-то разбираю, о чем-то думаю, свожу какие-то концы с концами. И очень трудно выходить из привычного круга мыслей и обиходных дел. И новые получения хочется получать от искусства, от музыки, от чтения, а на остальное времени не хватает.

Купил сегодня изрядную елку, и сейчас комната полна ее ароматом. Встречать Новый год будем очень тихо, с близкими друзьями, как повелось это уже много лет. Ну, целую тебя, моя дорогая, и твою дочурку. А<нтонина> И<вановна> шлет тебе приветы и поздравления. До свидания.

Твой Сережа.

6. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда Невский 66 кв. 5.*

в Москву 1-я Мещанская 7 кв. 22)

16 января 1955.

Дорогая Наташенька!

Имей в виду, что номер моей квартиры – 5, а не 2. Неточный адрес, как известно, замедляет и затрудняет получение писем. Тарле, не тем будь помянут, в последние годы так изоврался, что проливать слезы твоему профессору было особенно нечего¹⁸. А тем более тебе. Вообще, твой профессор причиняет мне много хлопот, придется мне кажется встретиться с ним и навести порядок в этом доме. О стихах напишу потом, подробнее, и, особенно если пришлешь еще, оптом обо всех. Но в общем, стихотворение, я бы сказал, милое, только первый куплет слишком торжественен. И эта рифма несколько притянута. А дальше лучше. Если увидишь А.А.¹⁹, кланяйся. Я звонил ей 1-го янв. и тогда узнал, что ее нет. То, что медведя

¹⁷ Елена Самсоновна Ральбе - см. выше.

¹⁸ Евгений Викторович Тарле (1874-1955), историк. Один из учеников Тарле, знакомый Наташи историк и публицист Аркадий Самсонович Ерусалимский (1901-1965) очень скорбел об учителе.

¹⁹ А.А. Ахматова встречала Новый год (1955) в Москве у М.С. Петровых (см. <http://www.akhmatova.org/bio/letopis.php?year=1954>). Спасский был знаком с Ахматовой в течение многих лет – см. Roman Timenchik «Сергей Спасский и Ахматова» - sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf

звут Сергеем, приятно и медведю, и мне²⁰. Целую тебя и внучку. А<нтонина> И<вановна> шлет привет. Твой С.

7. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда Невский 66 кв. 5.*

в Москву 1-я Мещанская 7 кв. 22)

16 апреля 1955.

Дорогая Наташенька! Получил твое хорошее письмо. Прежде всего – Кучерова²¹ порадовал на следующий день по приезде. Он весь просиял, тут шансы твои велики. История с профессором приводит меня в восхищение, вот что значит много я [*неразб.*]. Вернись, и победа тебе обеспечена. Если не победа над ним, то уж безусловно над собой. Сам я занят чрезвычайно: служба, спешная редакция для «Звезды», переработка романа, которому я хочу придать подобие формы, независимо от дальнейшей его судьбы. А тут наседают с договором на либретто для Кировского театра. А в последние дни бегаю на выступления памяти Маяковского. Союз, дома культуры, лекторий. Но это дело сезонное и скоро кончится. С летом плохо. Отпуск будет не скоро. Придется пропустить всех и выберусь, м. б. даже пока за свой счет, не раньше сентября. Так что устраивайся, как тебе удобней. В Москву, конечно, выскочу, хотя бы посмотреть Дрезденскую²², но когда не знаю. Хочется развязаться с романом²³. Ну, дорогая, будь умницей, целую тебя и другую умницу, рыженькую²⁴. А<нтонина> И<вановна> шлет привет. Твой С.

8. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда Невский 66 кв. 5.*

в Москву 1-я Мещанская 7 кв. 22)

8 июня 1955.

Дорогая Наташенька!

Сейчас ты, конечно, начисто уже забыла всех своих незадачливых дорожных спутников иудейского и православного вероисповедания и наслаждаешься зрелищем моря²⁵, в чем я могу тебе позавидовать. Тем более, что вернувшись из Москвы, все время чувствовал себя недостаточно бодро. Не мог освободиться от головной боли и даже отправился в литфонд, во владения Берлянда²⁶. Доктор не нашел у меня ничего особенного, давление скромное – 155 на 90, жить еще можно, но прописал мне все же диоритин. То ли от него, то ли от хорошей погоды, голова стала докучать меньше, хотя порошки глотаю почти каждый день. А дело

²⁰ Мама писала Сергею Дмитриевичу, что я назвала Сергеем (в его честь) своего игрушечного мишку.

²¹ Не знаю.

²² Вывезенные в качестве трофея картины перед возвращением в Дрезден были с 3 мая 1955 г. выставлены в Москве в Музее изобразительных искусств им. Пушкина.

²³ Думаю, что это роман «1916 год», опубликованный вместе с романом «Перед порогом» (1941 г.) как диалогия «Два романа» в 1957 г. (посмертно).

²⁴ В детстве я была рыжей.

²⁵ Наташа была в Гаграх.

²⁶ Самуил Григорьевич Берлянд, главврач лечебного отдела ленинградского отделения Литфонда.

очевидно в том, что неплохо было бы отдохнуть, и поэтому все мысли возвращаются теперь к тому самому морю, с которым ты дружишь теперь. Но тем не менее, пока работа идет полным ходом, виден конец романа и всяких других вещей, и до осени буду сидеть, не оглядываясь по сторонам.

Все это проза, проза и нечего затемнять твой сейчас несомненно поэтически настроенный дух такими пустяками.

Я тоже очень рад, что у вас с Вероникой отношения получаются. Что же касается до проходимца, то у них что-то вроде разрыва. Они не видятся, ведется переписка по текущим вопросам, и Вероника заявила, что не хочет брать у него больше денег. Все это непохоже на идиллию. Жаль мне бедную девочку, ведь как никак сюда вплетено немало чувств, и мне до сих пор неясно, какие из этих чувств у нее до сих пор еще сохранились. Но стремление к полной независимости выражено ясно. Я, разумеется, всячески постараюсь ей помочь в ее устройстве, чтобы она могла все же дальше учиться, если не представится ничего лучшего. Но ей очень хочется зарабатывать и самой, что непросто в наших условиях. Отсюда ее интерес ко всяким возможностям такого рода и в частности и к этой, арабской. В общем она сейчас на распутьи и, видимо, хочет определить свое будущее по-новому. Но такие вещи сразу не делаются. Поддерживать же ее в этом смысле следует, так как действительно мало ли что еще предстоит впереди. Сейчас она несомненно чувствует себя достаточно одинокой, и поэтому я особенно рад, что вы видите. Хорошо, когда есть возможность куда-нибудь просто придти и поболтать, хотя бы о пустяках. Вот, пожалуй, все главное в этом плане.

Что же касается до тебя, то я хотел бы, чтоб твой профессор приехал бы на юг, чтобы ты поехала с ним на пароходе, чтобы в это время была сильная качка и чтобы его всю дорогу тошнило бы в твоём присутствии. И чтоб продолжалось это достаточно долго, пока ты, веселая, свеженькая и совершенно не затронутая морской болезнью не нашла бы интересного молодого собеседника и не бросила бы профессора в каюте жевать лимоны, которые все равно не помогают.

Вот, дружок, какой я злой человек. Ни малейшего сочувствия к человеку как будто моего возраста и обладающему большими заслугами перед общественностью.

Теперь последняя справка: наследство никуда от тебя не денется, но сейчас машинка занята другой работой. А следовательно и голова тоже.

Целую тебя и желаю извлечь из отдыха все возможное.

А<нтонина> И<вановна> шлет привет.

Твой ССпасский.

9. *От С. Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда в Гагры, Дом творчества Литфонда)*

11 ноября 1955.

Дорогая Наташенька!

Я почему-то был уверен, что ты приедешь на праздники в Ленинград и огорчился, когда этого не случилось. Очень все вышло нелепо с моим пребыванием в Москве. Я чувствовал себя настолько плохо, что не мог даже добраться до телефона и поручил брату связаться с тобой и сказать, когда я уезжаю. Либо он тебя не известил вовремя, либо ты была занята в тот вечер. Словом, все сложилось не так, как я предполагал.

Теперь со всеми болезнями кончено, я снова втянулся во все дела – издательство, дополнительная работа над романом, всевозможные очередные обязательства. И времени снова нет, – состояние, к которому я, впрочем, привык.

Очень хотелось мне посмотреть на тебя, узнать, как твои дела, как настроение, поздравить с напечатаньем стихов²⁷ и т.д. В частности, конечно, собирался поговорить и о Веронике. Она мне не пишет со времени моего отъезда из Москвы²⁸, и я понятия не имею, что с ней, здорова ли, не голодает ли и что она думает. Надо признать, что осталось у меня от ее вида довольно грустное впечатление. Тот подлец поставил ее в трудное положение. Денег у нее очевидно не хватает, перспективы очень туманны. А самое плохое, что она еще питает к нему какие-то чувства и старается его защищать. Хотя объективно все сложилось, как нельзя хуже. Но обо всем этом мне трудно говорить спокойно.

Словом, если ты ее видишь, то напиши, что там происходит, когда выберешь время. У нее такое состояние, что я боюсь, как бы она не наделала очередных глупостей и опять не попала бы в положение вроде осеннего.

Наташенька, хоть бы у тебя все было хорошо! Крепко тебя целую и маленькую внучку тоже. А<нтонина> И<вановна> всегда вспоминает тебя хорошими словами и шлет привет.

Твой С

10. *От С.Д. Спасского Наташе Роскиной (из Ленинграда Невский 66 кв. 5.*

в Москву 1-я Мещанская 7 кв. 22)

17 марта 1956.

Дорогая Наташенька!

Прежде всего большое спасибо за твою любезность и блестящее выполнение моей просьбы. Вероника уже сообщила мне о твоём сказочном появлении с роскошным подбором вкусных вещей и о том, как она была всем этим обрадована. А сегодня твое письмо дорисовало картину, и я вижу, что ты выбрала все как нельзя лучше. Словом, ты была добра и внимательна, как это вообще тебе свойственно, и лишний раз хочется пожелать, чтобы все эти качества были по заслугам оценены теми, с чьей стороны такая оценка была бы тебе всего

²⁷ В альманахе «Литературный Смоленск» кн.14, 1955 г. было напечатано стихотворение Н.А. Роскиной «Дочка спит в своей постельке...»

²⁸ До 1987 г., когда Вероника с сыном Андреем насовсем уехала на Кубу, она успела поработать на Сахалине и в Магадане, но жила постоянно то в Ленинграде, то в Москве.

нужнее. В этом плане твое письмо хоть и не прибавляет ничего нового, но и не дает поводов для опасений. Все, как будто, хорошо и если не стало худшим, то должно перейти в еще лучшее, так как жизнь, как известно, не остается на месте.

Твое новое стихотворение мне понравилось.²⁹ В нем есть и свежесть, и настоящая взволнованность, и хорошая закругленность, завершенность внутренней темы, и своя интонация. Уже важно хотя бы то, что твои теперешние чувства продвинули тебя на поэтическом пути. Ведь лирические стихи удаются тогда, когда поэт обращается к определенному лицу, безусловно хочет, чтобы это лицо прочло такие стихи, даже если внешне к этому не стремится; когда поэт борется этими стихами за свое счастье, полагаясь на них, как на самую надежную свою опору, считая их может быть единственным своим оружием. И тут стихи либо оказываются совершенно беспомощными и бесформенными, либо приобретают упругость и жизненную убедительность. А то, что я пустился в такие рассуждения, прочитав твое стихотворение, и является свидетельством, что оно меня не оставило безразличным.

Действительно, странно подумать, что Алешенька теперь был бы уже взрослым. Твое удивительное отношение к нему я очень помню. Оно всегда очень радовало Надюшу, которая тоже считала это большой удачей, так как в тех сложных обстоятельствах все могло бы сложиться иначе. Я вспоминаю Алешу каждый день. Когда проживешь много лет, очень большое количество людей оказывается уже перешедшими за рубеж. И тут важно мысленно не терять близких, тогда и они не потеряют тебя. Может выработаться привычка к сосуществованию не только с теми, кто непосредственно окружает тебя здесь, но и с теми, кто был с тобой вместе прежде. И как обогащает это жизнь, как ошутимо бывает такое присутствие отошедших в сторону близких и как много сил притекает от них, особенно в наши трудные минуты. И вообще хочется жить так, чтобы не было стыдно перед теми, кого любишь, где бы они не находились. Но все это темы слишком интимные и нельзя распространяться об этом походя.

У меня в общем все тоже. Главное, не решен еще вопрос, вернее, не согласован вопрос относительно издания двух частей моего романа. Поэтому я пока о нем не думаю. Но так или иначе наступит момент, когда на меня навалится работа по его окончательной подготовке, и чем больше это откладывается, тем больше меня будут торопить после. Пока же кое-что перевожу, немного действую в стихотворном плане, занят всегда и времени всегда нет. Надеюсь в недалеком будущем побывать в Москве. Тогда увидимся.

Крепко тебя целую, моя дорогая. И дочурку тоже и желаю ей не хворать, бедняжке А<нтонина> И<вановна> шлет тебе сердечный привет.

Твой С.

²⁹ Приписано рукой Н. А. Роскиной: О стихотворении «Он говорил ей с горечью...»

11. [Отдельный листок без даты]

Сергей Спасский

Мы идем
Морозною деревней,
Смутно путь
Белеет снеговой.
С яркостью
Нетронутой и древней
Звезды искрятся над головой.
И в груди
Широкая отрада.
Зимний воздух
Крепко входит в грудь.
От массивных улиц Ленинграда
Мой сюда пролег
Нелегкий путь.
Были мы разделены войною,
Сколько пережили мы потерь.
И дышать уральской тишиною
Странно мне
Возле тебя теперь.
Сколько раз,
Когда под гром обстрела
Глухо сотрясалась
Грудь земли,
Вся душа моя
Вперед смотрела,
И тебя я различал вдали.
Пробираясь
Дебрями лесными
Иль на ладожском
Озерном льду
Повторял я
Ласковое имя,
Верил я,
Что я тебя найду.
В низких избах

Слабо светят окна
Теплым керосиновым лучом.
Плещут ветра
Длинные волокна...
Нет, я не жалею ни о чем.
Мы не смяты грозною войною,
Мы живем, мы дышим,
Мы одни.
С большей силой,
С нежностью двойною
Мы любить умеем
В эти дни.